

Анотація

РОЗВИТОК ЕКОНОМІКИ ЗНАНЬ ЯК ОСНОВИ СУСПІЛЬНОГО ПРОГРЕСУ

Воробйов С.М., д. е. н., професор

Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна

Калуцька Т.Д., аспірантка

Харківський гуманітарний університет «Народна українська академія»

У статті визначено критерії соціально-економічного розвитку сучасного суспільства, виділено та доповнено функції знання як одного з головних чинників суспільного прогресу, запропоновано заходи щодо підвищення економічної динаміки країн, що розвиваються.

Ключові слова: критерії суспільного розвитку, суспільний прогрес, країни, що розвиваються, функції знання, людський розвиток, економіка знань.

Summary

DEVELOPMENT OF KNOWLEDGE ECONOMY AS THE BASIS FOR SOCIAL PROGRESS

Vorobyov Y., PhD in economics

V.N. Karazin Kharkiv National University

Kalutskaya T.D., the post-graduate student

Kharkiv University of Humanities "People's Ukrainian Academy"

The article identified the criteria for socio-economic development of modern society, marked and amplified functions of knowledge as one of the main factors of social progress, suggested measures to increase the economic dynamics of developing countries.

Key words: criteria for social development, social progress, developing countries, functions of knowledge, human development, knowledge economy.

Поступила в редколлегию 17.03.2011 г.

УДК 339.01-044.922

НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ЕЕ ОГРАНИЧЕНИЯ

Давыдов Д.С., аспирант

Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина

Статья посвящена исследованию неоклассической теории в контексте анализа глобальных трансформаций. Особое внимание уделяется рассмотрению недостаточности неоклассического направления для анализа перехода человечества к новой цивилизации и актуализации духовной составляющей. Показана неразрешимость и необъяснимость многих современных явлений и процессов в рамках данной концепции. Обосновывается необходимость выработки новой методологии, для целостного понимания глобальных изменений.

Ключевые слова: глобальное хозяйство, неоклассическая теория, экономизм, экономическая методология.

Целью статьи является раскрытие недостаточности неоклассической теории для анализа современных глобальных трансформаций. Основная проблема заключается не в каком-то одном аспекте данной теории, а в методологии анализа, на которой она основывается. Понимание этого особенно важно для выявления пределов и ограничений неоклассического направления.

Методология неоклассической теории сформировалась к концу XIX столетия и постепенно заняла доминирующее место в экономической науке. Через ее призму начали рассматриваться большинство хозяйственных явлений, в том числе касающихся глобального хозяйства и человека. Отражением глубины данного процесса является изменение названия самой экономической науки.

В основе современных представлений экономика лежит «концепция А. Маршалла (он и ввел термин “economics”), дополненная идеями кейнсианства, некейнсианства (Р. Харрод, Э. Хансен), посткейнсианства (Дж. Робинсон, П. Сраффа) – с одной стороны; монетаризма (М. Фридмен) и пересекающейся с ним «новой классической теории» (А. Лаффер, М. Эванс и др.) – с другой. В свою очередь, в глубинной основе этой суммы знаний лежит маржинализм (У. Джевонс, К. Менгер, Е. Бем-Баверк, Л. Вальрас и др.), теория факторов производства (восходящая к Ж.-Б. Сёю) и предельной производительности (развита Дж. Б. Кларком). Неоклассический синтез (П. Самуэльсон), инкорпорируя кейнсианские идеи в систему постулатов теории рыночного равновесия...» [3, с. 314].

Методологической основой неоклассического направления являются вопросы поведения индивидов и других экономических агентов, а также проблемы эффективного распределения и использования ограниченных ресурсов.

Одна из центральных идей данного направления – это представление об экономическом человеке, которое появилось еще в рамках классической школы, но было в дальнейшем догматизировано представителями неоклассической теории. Другими словами, человека подменили абстрактным понятием рационального экономического индивида.

Главной целью такого индивида является постоянное удовлетворение все более растущих потребностей, проявляющееся в стремлении к непрерывному увеличению, прежде всего материального, богатства. Так, в завуалированной форме, объясняется главная суть или важнейшее целеполагание человека вообще, если на него смотреть лишь через призму грубой экономической рациональности. В реальности, «у экономического человека цель жизни искажена, изуродована. Она подменена *средством* к жизни, которое само принимает уродливые формы – накопление богатства ради накопления» [5, с. 24].

Безусловно, такое целеполагание не раскрывает сущности человека, а как итог – препятствует пониманию его ключевой роли в глобальных хозяйственных процессах.

Также догматическим является само понимание рационального выбора. «Господствующие ныне в экономических исследованиях-описаниях модель экономического человека и теория «рационального выбора» составляют ту систему координат, которая изначально искажает хозяйственную жизнь человека...» [6, с. 8]. Конечно, все действия человека просто не могут быть описаны с помощью концепции «рационального выбора». В ней заложен «отказ от сотрудничества, справедливости, семейных ценностей и морали, то есть именно от тех ценностей и методов хозяйствования, без которых вообще не существовало бы человеческого общества» [6, с. 9]. Между тем, «рациональный выбор породил мир, решения в котором принимаются в неведении. Эти решения появляются в результате неправильно намеченных целей (принцип здесь следующий: если вам не нравится результат, необходимо просто изменить параметры)» [1, с. 312].

К тому же, «метод «исходного задавания параметров», которые *якобы* отражают-определяют экономическую жизнь общества или фирмы, получил весьма распространенное хождение в современной экономической науке и способствовал не только ее отрыву от проблем реальной экономики, от постижения *смысловых закономерностей* ее развития, но и содействует рассмотрению экономической сферы как *самодовлеющей, функционирующей вне органичной целостности* Универсума, т. е. *исходно* задает *искаженную методологию миропостижения*» [6, с. 9].

Другими словами, концепция «рационального выбора» не учитывает, что любой выбор, любое хозяйственное решение принимаются с учетом составляющих, выходящих далеко за рамки понятия «рациональный» в классическом смысле данного слова, а также осуществляется под действием неэкономических факторов. Поэтому, хотя концепция «рационального выбора» применима для описания определенного класса явлений, в определенных, строго заданных си-

туаціях, но для сущностного объяснения сложных тенденций на уровне глобального хозяйства ее, безусловно, недостаточно.

В конце XX столетия, параллельно с возникновением постнеклассической стадии человеческого знания, в «экономической науке и экономической политике наблюдалось развернутое наступление «рыночного фундаментализма», вытесняющего на обочину как кейнсианство и классический институционализм, так и марксизм. Более того, это течение, получившее название «экономический империализм», вторглось в социологию, психологию, юриспруденцию, политологию, историю» [8]. Ядром «экономического империализма» как раз и является именно неоклассическое направление.

Результатом данного процесса можно назвать появление экономизма как определенной догмы, господствующей не только в неоклассическом направлении, но и во всей экономической науке. Как утверждает один из авторитетных исследователей в этой области П. Ульрих: «Экономизм – говоря коротко и прежде любых «точных» определений – это вера экономической рациональности только в саму себя и ни во что другое» [9, с. 18]. Можно выделить четыре основных проявления, через которые выражается экономизм:

1) «Самообособление экономической рациональности от этико-практической точки зрения» [9, с. 19]. Данное положение означает выделение «якобы автономной экономической проблематики из проблематики разумного поведения человека вообще» [9, с. 19] для того, чтобы исследовать экономическую рациональность нейтрально, абстрагируясь от ценностной стороны жизнедеятельности человека. Но как только экономически, рационально мыслящий человек и его сообщества сталкиваются с реальным миром, нейтрализовать этико-ценностную составляющую их деятельности не удастся. Это происходит по нескольким причинам.

Во-первых, автономной экономической рациональности самой по себе не существует.

Во-вторых, совершенно несостоятельным представляется тезис о том, что многие ресурсы, потребляемые в процессе производства (особенно человеческое время и способности, а также природные ресурсы), не представляются ценными сами по себе. Они имеют ценность лишь как сательство получения прибыли и достижения экономического эффекта. Это положение явно вытекает из грубой экономической рациональности, особенно в ее неоклассическом варианте.

В-третьих, еще одной гипотетической предпосылкой является существование единого экономического блага, своеобразной главной цели, к которой все якобы стремятся, независимо от представлений, взглядов, культурных различий и ценностных установок. Вследствие этого, возникает определенная фикция того, что существует лишь один, поверхностный, целеполагающий критерий (как правило, имеющий материально-вещественное выражение) в форме экономического блага. Конечно, рассмотрение человека и всей глобальной цивилизации только с учетом этой точки зрения представляется поверхностным и однобоким.

Говоря об экономической рациональности, необходимо вспомнить и учение М. Вебера о социальном действии, в котором он выделяет: формальную экономическую рациональность, основанную на целерациональном действии, и сущностную экономическую рациональность, основу которой составляет ценностнорациональное действие.

Целерациональное действие – это такое действие, когда цель, средство и побочный результат рационально взвешены и просчитаны. Здесь возможен выбор и сравнение средств достижения цели, а также соотношение целей друг к другу.

Ценностнорациональное действие основано на уверенности в самостоятельную ценность определенных моральных, этических и иных форм поведения, независимо от той степени, в которой они способны привести к успеху или достижению цели. Общее свойство этих ценностнорациональных действий состоит в том, что «смысл для них состоит не в достижении какой-либо внешней цели, а в самом определенном по своему характеру поведении как таковом» [4, с. 628-629]. То есть тут само действие и является целью.

В этом случае экономизм абсолютизирует целерациональное действие, причем только в экономическом аспекте (то есть даже целерациональное действие рассмотрено частично), игнорируя фундаментальную целостность, которая лежит в основе действий человека, а как результат - и всего хозяйства. Поэтому формальная экономическая рациональность *определяется мерой* технической возможности применения расчета в хозяйственной реальности. Другими словами, тут мы видим *поле действия* человеческого рационального ума (который не есть синоним сознания) и *его границы*. «С целерациональной точки зрения ценностная рациональность

всегда иррациональна» [4, с. 630].

Если двигаться дальше и попытаться достичь уровня сознания, выходя за пределы рационального ума (как на уровне человека, так и на уровне глобального хозяйства), то необходимо соединение формальной и сущностной рациональности. Это необходимое условие дальнейшего развития человеческой цивилизации в целом. Между тем, мы говорим о соединении этих двух ипостасей более в метафорическом смысле. На самом деле, речь идет об их гармоничном со-развитии, с одновременной актуализацией ценностной составляющей. В то же время требуется всесторонний анализ самих ценностей, которые являются проявлением глубинных духовных процессов, имеющих место в глобальном хозяйстве.

Между тем, экономизм проявляется наиболее ярко в неоклассической теории. Она практически не учитывает ценностнорациональные, хозяйственные действия, основанные на сущностной рациональности. Данные действия для неоклассической теории представляют определенные аномалии.

Однако, хотя в современном мире, как в реальности, так и в теории, особенно в локальных Западных цивилизациях, наблюдается сильная диспропорция в сторону целерационального действия, разрешение глобального противоречия будет заключаться не только в восстановлении гармонического единства. Это скорее внешняя форма разрешения противоречия. Например, в период Средневековья, господства религиозного мировоззрения, преобладало примитивное ценностнорациональное действие. Но при этом человечество находилось в менее осознанном состоянии, на более низком уровне развития.

Глубинная сущность трансформации заключается во вступлении человечества в «пострациональный», или более точно – «сверхрациональный» этап своего существования. Тут существуют как целерациональное, так и ценностнорациональное действия (в снятом виде). Но при этом, в результате развития сознания и Универсума, цели и, тем более, ценности становятся совершенно иными. Они свободны, с одной стороны, от грубо-материалистических, экономических устремлений, с другой стороны – от догм и ограничений до-современных этапов развития.

Учитывая современные тенденции развития всей человеческой цивилизации (в аспекте актуализации духовной составляющей), а также новые междисциплинарные открытия (говорящие о фундаментальной роли сознания), которые их подтверждают, человек кардинально пересматривает свою природу, место в мире, а также приобретает новые возможности использования своего сознания, как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Эти процессы приводят к появлению качественно иных, постматериальных и постэкономических (а если более глубоко – выходящих за пределы отдельной личности), целей и ценностей, отражающих больший уровень осознанности формирующейся интегральной цивилизации. Эти ценности и цели – в глубине своей уже не ценности и цели одного индивида или локальной цивилизации (хотя они проявляются в бесконечности конкретных форм). Скорее их можно назвать Универсумными ценностями и целями, или ценностями и целями самого бытия. По мнению известного ученого А. Менегетти, можно говорить о морали какой-то определенной исторической системы и морали бытия (им соответствуют логико-историческое и априорное «Я» человеческой личности). «Мораль Бытия отражает природный замысел человеческой личности» [7]. Поэтому сейчас наблюдается массовая актуализация (возвращение) человечества к априорному «Я» и морали бытия (которую, по сути, можно назвать глубинной нравственностью) и, как следствие, и ценностям, соответствующим им.

Человек и человечество как голограммы, являясь частью, одновременно являются целым. И одна из главных черт новой интегральной цивилизации как раз и проявляется в этом новом, осознанном единстве. Поэтому новые цели и ценности будут в полной мере отражать иную, целостную био-социо-духовную, или другими словами – универсумную природу человека только рождающейся цивилизации.

К тому же, мы рассматриваем тут только социальные действия. Но действия по внутреннему, духовному изменению человеком самого себя (внутренней самоосознанности), которые только впоследствии очень сильно проявляются в его поведении, вообще нельзя назвать социальными, исходя из методологии М. Вебера. Так как социальное действие «носит социальный характер лишь в том случае, если оно ориентировано на поведение других» [4, с. 625]. В духовной сфере главной основой любого действия является внутренняя самодетерминация, выходящая далеко за пределы социального и являющаяся выражением глубинного уровня целостности

всего Универсума. Конечно, если человека рассматривать исключительно как социальное существо, то любое, даже внутреннее действие носит социальный характер. Но новый подход к рассмотрению человека как био-социо-духовного существа как раз и показывает, что духовное, содержащее в снятом виде социальное и биологическое, имеет *новое*, несводимое к ним *качество* (так же, как с появлением социального, человека нельзя рассматривать исключительно как биологическое существо, так и с кардинальным эволюционным скачком духовной составляющей современного человека нельзя рассматривать исключительно как социальное существо). Таким образом, социальное в современном, «новом», формирующемся человеке и цивилизации не является его главным сущностным качеством, оно уходит в основание и *не будет*, в будущий период развития человечества, играть определяющую (центральную) роль в развитии человека.

В итоге необходимо повторить, что увеличение роли ценностнорационального поведения – скорее внешнее проявление, за которым скрывается глубинное содержание.

2) «Абсолютизация типа мышления, выдвигающего на первый план приоритеты цены/пользы» [9, с. 20]. Данный принцип является детализацией противоречий между явлениями формальной и сущностной рациональности. Он означает «отрицание всякой разумности экономического аспекта поведения, в том числе и непосредственно хозяйствования, по соображениям высшего порядка, смысл которых за пределами экономики» [9, с. 20].

Взамен предлагается идея эффективности (максимизация результата при минимизации затрат), которая сама превращается в основополагающую норму, не требующую каких-либо иных моральных, или более широко – ценностных и культурных обоснований. Гипертрофированное преувеличение этого эффекта, превращение его в самоцель и приводит к чистому, присущему только экономике миропониманию. А далее это миропонимание переносится на иные области жизнедеятельности человека и глобальной цивилизации.

Если что-то выходит за рамки экономической рациональности, основанной, прежде всего, на денежной эффективности, то это явление представляется нерациональным в негативном плане, либо вообще не рассматривается как объект анализа. В этом аспекте также проявляется методологическая ущербность экономического, особенно в неоклассическом варианте, которая обнаруживается только в соприкосновении с реальной жизнью.

3) «Нормативное преувеличение логики рынка, ее возведение в абсолютный принцип координации общества» [9, с. 21], который означает «ограничение логики сосуществования людей... экономической логикой взаимовыгодного обмена благами» [9, с. 21]. Другими словами логика рынка превращается в главный, стержневой принцип общественного устройства. А все социальные отношения подавляются под логикой рынка.

Между тем, уже очевидны первые ростки «постэкономической» системы, более высшей ступени эволюции человеческой цивилизации. Таким образом, мировоззрение, основанное на преувеличении логики рынка и значимости его отношений, *внеисторично*. С помощью него нельзя осознать главные черты глобальных трансформаций.

Поэтому преувеличение логики рынка имеет два серьезных негативных следствия. С одной стороны, данное понимание не дает адекватного, соответствующего действительности взгляда на современное общество. Игнорирование понимания *логики рынка как инструмента* «превращает хозяйствующего человека в «человека экономического» (*Homo economicus*), сводит отношение между людьми к отношениям обмена и ведет к перерастанию идеи эффективности рыночной экономики в идеологию тотального рыночного общества» [9, с. 21], о чем говорилось в предыдущем пункте. С другой стороны, на основании данного взгляда *невозможно* преодолеть вызовы, стоящие перед человечеством. Скорее это мировоззрение, часто используемое неоклассическим направлением, только усугубляет ситуацию.

4) Гипертрофированный формализм. Современная экономическая мысль и в особенности неоклассическая теория обладают еще одним серьезным недостатком, существенно ограничивающим методологию и широту рассматриваемого объекта, – чрезмерной формализацией. В неоклассическом анализе наблюдается выходящее за разумные границы использование формальных схем и математики.

Еще одним важным методологическим положением неоклассической теории можно считать концентрацию внимания на статическом анализе равновесных состояний. Это опять же представляется методологическим ограничением, не позволяющим исследовать переходные

процессы, состояния неустойчивости, например, как это делает такое междисциплинарное направление, как синергетика или диалектическая методология.

К тому же равновесие рассматривается в грубо экономическом (например, как равновесие спроса и предложения на каком-то рынке), а не в хозяйственном смысле, учитывающем не только экономические факторы. При анализе глобального хозяйства данное положение не приемлемо.

Подобным образом можно говорить и о предельных величинах. В качестве объяснения частных, специфических вопросов применение предельных величин достаточно оправдано (например, при закупке определенных ресурсов на предприятии, и то, если есть возможность абстрагироваться от всего остального). Но исследовать с помощью их поведение всех индивидов или субъектов глобального хозяйства будет серьезной методологической ошибкой. Для анализа социальной и духовных сфер, ценностной и культурной составляющей предельные величины просто неадекватны. С другой стороны, повсеместное использование неоклассической теорией одного и того же методологического приема – предельных величин, на основании того, что они подходят для объяснения определенного узкого круга вопросов и достаточно абстрактны и универсальны, также представляется методологической ошибкой. С таким же успехом можно использовать таблицу умножения для объяснения хозяйственных процессов на основании того, что она предоставляет правильные результаты независимо от контекста.

К указанному выше нужно добавить, что экономикс *не решает* и целого ряда других задач:

Д) «По ту сторону» есоnomіcs остаются все вопросы исследования не-рыночных экономических систем и нерыночных экономических отношений, эта теория «рыночноцентрична» [3, с. 325]. Все то, что прямо не относится к рынку, находится за пределами данной теории.

И) Неоклассическая теория всесторонне не исследует даже рыночную систему, в том числе в ее современной форме – развитого капитализма (тем более индустриальной цивилизации). Практически не рассматриваются вопросы ее возникновения, развития, главных этапов, а также ее исчезновения. А без этих вопросов невозможно рассмотреть ни противоречия, ни тенденции глобального хозяйства.

III) Неоклассическая теория не рассматривает глубинную суть функционирования рыночной экономики в виде выявления фундаментальных противоречий, законов и тенденций, даже в рамках ее самой. Она обладает возможностью исследования только «механизма функциональных взаимосвязей между различными экономическими агентами» [3, с. 325].

Здесь необходимо упомянуть и о том, что экономикс не раскрывает «каузальные связи, характеризующие проблемы макроэкономической динамики (воспроизводства)» [3, с. 356]. Другими словами, не исследуются, во всей широте, причины кризисов, проблема цикличности (во всей ее многогранности), качественные параметры роста (выходящего за рамки роста ВВП) и т. п.

IV) Неоклассическая теория практически не раскрывает сущность и влияние техники и технологии, а также их эволюции на хозяйственную жизнь.

V) Не учитываются противоречия экологического порядка, которые на данный момент считаются одними из самых острых в развитии глобальной цивилизации.

Таким образом, как утверждает М. Блауг: «Ограничив предмет экономической теории, неоклассики открыто признались в своей некомпетентности за пределами поставленных ими границ и, таким образом, исключили не только ряд выводов на уровне здравого смысла, но и несколько ценных идей» [2, с. 650]. Как отмечает Г.В. Задорожный: «неоклассическая теория весьма далека от *смысл*-ового постижения современных хозяйственных реалий, что также свидетельствует о ее исходно-заданной методологической ограниченности в развитии современного экономического знания» [6, с. 10].

Таким образом, неоклассическое направление, а также экономизм, наиболее ярко проявляющийся именно в ней, небезосновательно находятся под шквалом критики в последние годы. Дело в том, что для действия законов и принципов экономизма, а также для того, чтобы описание, даваемое неоклассическим направлением, считались правомерным, *необходимы* совершенно *определенные, узкие условия экономического рационализма*. Данные условия представляют всего лишь один, притом не самый важный срез глобального хозяйства.

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов делают однозначный вывод, что «есonomіcs и лежащие в его

основе политико-экономические теории отображают лишь часть реальной экономической жизни (преимущественно превращенные формы функционирования рыночной экономики в рамках постулатов общей теории равновесия) и неадекватны для исследования... широкого круга реальных социально-экономических процессов современной глобальной экономики» [3, с. 339].

Поэтому неоклассическое направление, несмотря на всю его популярность среди исследователей, *не может* всесторонне объяснить особенности трансформаций современного хозяйства. К тому же неоклассическая методология направлена на *анализ* (хотя и достаточно однобокий) *экономики, но не хозяйства*. Вследствие чего она *не может охватить* объект исследования ни по ширине, ни по глубине.

Поэтому, для познания центрального направления и главных движущих сил глобальных трансформаций, необходимо совершенно иная теория, основанная на иных методологических постулатах. Одним из таких направлений может стать цивилизационный подход в его современном варианте.

Литература:

1. Абелла А. Солдаты разума/ А. Абелла. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. – 320 с.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе/ М. Блауг. – М.: «Дело Лтд», 1994. – 720 с.
3. Бузгалин А.В. Economics: взгляд сквозь призму современной марксистской теории // Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. Реактуализация классической философии и политической экономии (избранные тексты). – М.: Культурная революция, 2009. – 680 с.
4. Вебер М. Избранные произведения/ М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
5. Григорян Г.М. Историческая тенденция капитализма (политэкономический аспект): [монография]/ Г.М. Григорян. – Х.: ВД «ИЖЕК», 2008. – 240 с.
6. Задорожный Г.В. О необходимости использования хозяйственной психологии в исследованиях социальной экономики (часть первая)/ Г.В. Задорожный // Социальная экономика, 2010, № 3. – С. 6-21.
7. Менегетти А. Мудрец и искусство жизни. – М.: ННБФ "Онтопсихология", 2010. – 150 с. / А. Менегетти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.koob.ru/meneghetti/>
8. Мокроносов А.Г. Экономическая теория: потенциал и научная критика // Образование и наука, 2008, № 2. – С. 30-39. / А.Г. Мокроносов, С.И. Пономарева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rsvpu.ru/biblioteka/trudy-uchenyx/vse/mokronosov-aleksandrgermanovich/filedirectory/1057/obr-nauka-2008.doc>
9. Ульрих П. Критика экономизма/ П. Ульрих. – М.: Вузовская книга, 2004. – 120 с.

Анотація

НЕОКЛАСИЧНА ТЕОРІЯ ТА ЇЇ ОБМЕЖЕННЯ

Давидов Д.С., аспірант

Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна

Стаття присвячена дослідженню неокласичної теорії в контексті аналізу глобальних трансформацій. Особлива увага приділена розгляду недостатності неокласичного напрямку для аналізу переходу людства до нової цивілізації та актуалізації духовного чинника. Показана невирішеність та не пояснюваність багатьох сучасних явищ та процесів в межах даної концепції. Обґрунтовується необхідність вироблення нової методології для цілісного розуміння глобальних змін.

Ключові слова: глобальне господарство, неокласична теорія, економізм, економічна методологія.